

Валерий Роньшин
И мы были... и мы любили...

Валерий Роньшин

И мы были... и мы любили...

«Издательские решения»

Роньшин В.

И мы были... и мы любили... / В. Роньшин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838441-7

О чём говорится в этой книге? А вот о чём: «Заглянул я как-то в маршрутку. Водителя нет, а в салоне старик сидит. «Вы не знаете, — спрашиваю у него, — я на этой маршрутке до автовокзала доеду?» — «Не знаю, — ответил старик. — Жизнь коротка. На всё воля Божья. Может, и доедешь»... В общем, читайте дальше. Может, и дочитаете.

ISBN 978-5-44-838441-7

© Роньшин В.
© Издательские решения

Содержание

По пути в Шамбалу	6
Ирочка в поисках Господа Бога	10
Зима будет холодной	13
Замок Чудес на берегу волшебного озера	15
Как кабанчик Геночка обидел зайчика Димочку	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

И мы были... и мы любили...

Валерий Роньшин

© Валерий Роньшин, 2017

ISBN 978-5-4483-8441-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По пути в Шамбалу (пролог)

Петербург – прекрасный город... для прогулок. Но жить здесь нельзя. Здесь можно только умереть. Умирать сюда приезжают со всех концов света.

Но это так, к слову.

Я же приехал в Питер не жить и не умирать. Мне всего лишь хотелось посмотреть на памятник собаке Павлова.

Было лето. Шёл дождь.

Я решил позвонить своей бывшей жене. Теперь она была замужем за питерским миллиардером. Я позвонил.

Ответил миллиардер.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Кати нет, – сказал он.

– Я слушаю, – сказала Катя.

– Поехали автостопом до Шамбалы, – предложил я.

– Записывай, – сказала она. – У моего мужа Гарика куча нефтяных вышек по всей Сибири, а у меня куча ювелирных салонов по всей России. А завтра я улетаю на Каймановы острова. И на фига мне, спрашивается, твой автостоп до Шамбалы?

– Ты обуржуазилась, – сказал я.

– Да, я обуржуазилась, – с удовольствием подтвердила Катя. – А ты не злишься. Я ведь, в сущности, тебе ни к чему. Тебе вообще женщина не нужна. Тебе надо *существо*, похожее на женщину.

– Ладно, девчонки, – снова возник в трубке миллиардер, – хватит трепаться.

Связь оборвалась. Я пошёл искать собаку Павлова.

По дороге я зашёл в кафе. Сел за столик, заказал кофе. Напротив меня сидела маленькая девочка. Она ела мороженое. Вскоре к нам подсел старик. И тоже заказал мороженое.

– Один мой знакомый, – принялся рассказывать старик, – страдал очень редкими заболеваниями. Из-за одной болезни ему нельзя было есть много – умрёшь, а из-за другой – мало, тоже умрёшь. Сейчас он на Смоленском кладбище.

– А у меня была жена, – вспомнил я Катю.

– Тоже на Смоленском? – сочувственно покачал головой старик.

– Пока ещё нет, – сказал я.

Девочка резко взмахнула рукой. Старик от неожиданности вздрогнул.

– Муху поймала! – радостно сообщила она, гордо показав сжатый кулачок.

– А ты её проглоти, – в шутку предложил я. – Куплю тебе ещё мороженого.

Девочка тут же кинула муху в рот и проглотила. Муха, надо полагать, даже ахнуть не успела.

Пришлось заказать девочке мороженое.

– Нет, вы только представьте себе, – с возмущением сказала официантка, принеся мой кофе, – подходит ко мне вчера на Невском какой-то тип и говорит: давай потрахемся. Я чуть не упала от такого предложения.

– Вы споткнулись? – поинтересовалась девочка.

– Как же после этого жить? – продолжала официантка, обращаясь почему-то исключительно ко мне. – Жить-то как?!

– Не знаю, – пожал я плечами.

– Я знаю, – сказала девочка. – Живите, как слоны в Индии. Только палкой о рельс ударят, они бросают брёвна и бегут обедать.

– А я во время войны был боевым генералом, – приосанившись, объявил старик.

– Генералом? – повторил я.

– Да! Боевым!

– Всю жизнь мечтал познакомиться с боевым генералом.

– Считайте, что ваша мечта осуществилась.

– Это ж с какого года вы будете? – заинтересовалась официантка, присаживаясь на свободный стул.

– Да я и сам уж не помню. Вроде бы с девятисотого.

– У меня прапрабабушка была с девятисотого, – сказал я.

– Вот видите, – сказал старик, – я мог бы быть вашей прапрабабушкой.

Официантка вновь посмотрела на меня.

– А у вас жена есть? – с обезоруживающей прямоотой спросила она.

– Да, есть, – кивнул я.

– Красивая?

– Скорее уродливая, чем красивая.

– А вы её любите?

– Люблю. Правда, как-то раз завтракали – и вдруг такой порыв: ткнуть ей в глаз вилкой.

Верите ли, еле себя сдержал.

– Вот что я вам скажу, – по-взрослому серьёзно произнесла девочка. – Не любите вы свою жену тою любовью.

– Какою? – не понял я.

– Ну... *тою*.

– А где она работает? – продолжала выпрашивать официантка.

– В порту, – ответил я. – Грузчиком.

Официантка засмеялась. У неё громко щёлкнула челюсть.

– Простите, – смутилась она. – Вам, наверное, это противно.

– Что? – спросил я.

Она взъерошила мои волосы.

– И почему мужчины лысеют, – меланхолично вздохнула. – А вот якуты не лысеют. Был у меня приятель якут. На мотоцикле разбился. Насмерть. А недавно перехожу с «Сенной» на «Спасскую» – а он навстречу. Я чуть не рехнулась. А он мимо прошёл, даже не поздоровался.

– И всё-таки, – убеждённо сказал старик, до этого слегка задремавший, – хороших людей на земле больше, чем плохих.

– А у моей мамы глаза разного цвета, – заявила девочка. – Но я её за это не осуждаю. Она же дура.

– Как это? – изумилась официантка.

– Да так. Не знает, что такое: «зимой и летом – одним цветом».

– Я тоже не знаю, – сказал я.

– Значит, и вы дурак, – сделала вывод девочка.

– А ведь вы не женаты, – прищурилась официантка.

– Не женат, – признался я.

– Ну так женитесь на мне. У меня двое прелестных ребятишек.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Зря отказываетесь, – сказала официантка. – Истинный мудрец не брезгует ничем.

Я промолчал.

– Женитесь тогда на моей маме, – сказала девочка. – Конечно, у неё некрасивые ноги, но зато прекрасная душа.

– Мне не нужна женщина, – объяснил я маленькой девочке. – Мне надо *существо*, похожее на женщину.

– Да уж, – покачал головой старик. – Вот что значит среда создаёт человека.

– А почему не пятница? – спросила девочка и, вытаращив глаза, вдруг выкрикнула: – Тара мана дута!

– Чего-чего? – опешила официантка.

– Фута бут мута! – продолжала выкрикивать девочка.

Старик тяжело вздохнул.

– Старость приходит внезапно, – сказал он. – В один прекрасный день просыпаешься и понимаешь, что ты уже старик.

Девочка, скорчив кислую рожицу, снова принялась за мороженое.

А у меня вдруг возникло ясное ощущение, что всё это уже было: и кафе, и старик-генерал, и маленькая девочка, и официантка. И сейчас официантка спросит: «Чем вы занимаетесь в жизни?» А девочка скажет: «О чём?»

– Чем вы занимаетесь в жизни? – спросила официантка.

– Расскажики пишу, – ответил я.

– Хорошие?

– Разные.

– О чём? (это уже сказала девочка)

– О том, что при всей трагичности жизни каждый наш день – это же праздник.

Старик снова вздохнул. Тяжелее прежнего.

– Знаю, что придётся скоро умирать, – глухо произнёс он. – А умирать не хочется.

– Ой! – всполошилась девочка, выскакивая из-за стола. – Мне пора! Пора! Я уезжаю в Зурбаган!.. Подержите медузу, – деловито протянула она мне пустые руки.

Я взял у неё «медузу» и держал, пока девочка одевала курточку. Затем она забрала её обратно.

– Всё! – всплеснула руками. – Медуза улетела. Как птичка.

– Надолго в Зурбаган? – спросил я.

– Ну-у... – прикинула девочка, – по земным меркам нет. Что же касается небесных... В общем, обо мне можете не беспокоиться. – И она пошла к выходу,

– Тара мана дута! – крикнул я ей вслед.

– Фута бут мута! – с восторгом завопила в ответ девочка. И, открыв стеклянную дверь, исчезла. Растворилась под дождем.

А рядом со мной осталась сидеть официантка. Звали её Вероника. Было ей уже тридцать три года. И перед ней стоял стакан, отнюдь не с апельсиновым соком.

– Знаете, – говорила она, – есть такая сказочка. Жила-была противная склизкая зелёная жаба. И вот однажды её спросили: почему ты такая противная, зелёная и склизкая?.. А жаба ответила: это я просто болею; на самом деле я беленькая и пушистенькая... Вот и я, когда тут (она показала на сердце) становится тяжело, смотрюсь в зеркало и говорю себе: на самом деле я беленькая и пушистенькая...

Старик-генерал мирно посапывал, прижав к щеке ладошку, как ребёнок.

Официантка встала и направилась к стойке. Не оборачиваясь, она прищёлкнула пальцами и подпрыгнула.

– Оп-ля!

В этот момент появилась молодая женщина с разноцветными глазами.

– Вы случайно не видели здесь маленькую девочку? – спросила она.

– Маленькая девочка уехала в Зурбаган, – ответил я.

– А вчера она улетала в Мильдендо, – сказала молодая женщина и села на стул, с которого только что встала официантка.

– Вы не подскажете, где находится собака Павлова? – в свою очередь спросил я.

– Знать, близка судьба твоя, – усмехнулась женщина, – ведь собака эта – я... Вернее, – поправились она, – я была ею в прошлой жизни. И звали меня тогда – Рекс! – Она закурила. – Вы мне, конечно, не верите.

– Да нет, – сказал я. – Верю.

– Что же касается памятника – то вон он, – показала она дымящейся сигаретой в окно. Я посмотрел. И действительно, на высоком постаменте стоял бронзовый пёс.

Дождь перестал. Мы вышли на улицу. И, задрав головы, смотрели на собаку Павлова. По небу плыли облака.

– Это души умерших людей, – объяснила мне молодая женщина.

К нам подошла официантка.

– Знаете, почему к вам бабы пристают? – спросила она у меня.

– Нет, – сказал я. – А почему?

– У вас лицо порядочного человека. Вы не обидите. – Официантка помолчала. – В сущности, ведь женщине секс не нужен, женщине нужна любовь.

– Это точно, – кивнула молодая женщина.

К нам вприпрыжку приближалась девочка. Она что есть силы размахивала руками.

– Я птица! – кричала девочка. – Я должна всё время махать крыльями! Иначе я упаду и разобьюсь!

Я взял официантку за руку. Рука была как лёд.

– Какие у вас руки холодные, – сказал я. – Вы на меня не обижайтесь. Ладно?... Я вам тоже сказку расскажу. Жила-была принцесса. И вот однажды пришёл к ней старичок и попросил яблоко. А принцесса ему вместо яблока дала перец. И старичок сделал так, что чтобы принцесса ни пробовала – ей всё казалось перцем. Вот и я, что ни попробую – всё перец.

Официантка ничего не ответила.

– Пора, пожалуй, и мне лететь, – сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– И куда? – спросила молодая женщина. – Если не секрет.

– Какой там секрет. В Шамбалу.

– А-а, – наморщила нос девочка. – Была я в этой дыре позавчера, ни-чё хорошего... Хотите провожу вас до Пулково, – предложила она. – Уж мне ли не знать, что такое одной-единёшенькой бродить по аэропорту.

– Не надо, – отказался я. – Пострадать хочется.

– Тогда идите, – сказала девочка. – Идите и ни в коем случае не оборачивайтесь. А то умрёте.

И я пошёл. Не оборачиваясь.

А позади остались три женщины. Мал мала меньше. И ещё собака Павлова. Они молча смотрели мне вслед. Я чувствовал их взгляды. В особенности взгляд собаки Павлова.

Ирочка в поисках Господа Бога

По утрам Ирочке открывалась тайная суть вещей. Стены спальни начинали колыхаться, словно поверхность океана; зеркала растягивались, как резиновые; а двери становились прозрачными.

Ирочка слюнявила указательный палец и начинала тихонько тереть лицо мужчины, лежащего рядом. Сначала под её пальцем исчезали его глаза, потом рот, брови, ресницы... Затем она брала кисти, краски и снова рисовала лицо воображаемого возлюбленного. Ирочка была художницей.

Когда Ирочка закончила работу, нарисованный возлюбленный сел в бежевый «бьюик» и укатил в офис. А у Ирочки, как всегда по утрам, начала слегка болеть голова (в прошлой жизни Ирочка была белкой, и охотник убил её выстрелом в правый глаз). Она помассировала бровь над правым глазом – самая болевая точка – и решила принять ванну.

После ванны Ирочка отправилась на кухню готовить себе тосты с сыром. По дороге она прослушала сообщение на автоответчике от мужа Валерьяна из Нью-Йорка. Валерьяна она тоже, кстати сказать, нарисовала – года три назад. Но так до сих пор и не стёрла.

Когда Ирочка наливала себе кофе, заиграл мобильник – тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля... Звонила Ирочкина подруга Леночка.

– Ну как твой роман? – привычно интересовалась Леночка.

– Какой роман? – привычно отвечала Ирочка.

– Что, опять нет никакого романа? – разочаровывалась Леночка.

У самой-то Леночки романы бывали чуть ли не каждый месяц. Впрочем, один из её бурных романов закончился-таки пышной свадьбой. Но... Но буквально на следующий день Леночка сообщила Ирочке трагическим голосом:

– Я разлюбила своего мужа. Я больше ничего к нему не чувствую. Я словно «чёрная дыра». Всё куда-то уходит... уходит...

И вот теперь Леночка кричала в трубку счастливым голосом:

– У меня всё прекрасно, прекрасно!

– Ты уже не «чёрная дыра»?

– О нет! Я завела любовника!.. Как он за мной ухаживает, какие дарит цветы, какие говорит слова!..

– А что будет дальше?

– Ой, отстань, – говорила Леночка. – Я не хочу думать о том, что будет дальше. Сейчас-то мне хорошо. Зачем думать о том, что будет после... Вчера я была у него дома и увидела красное платье его жены. Ну, примерила, конечно. И вдруг ощутила, что я – это она. Представляешь?!

Ирочка представляла. Но совсем-совсем другое. Мчащийся поезд. Двухместное купе. Она и Руднев. На сей раз Ирочка не нарисовала возлюбленного, а сделала его из фарфора. Руднев был обыкновенной фарфоровой статуэткой и даже не подозревал об этом.

– О чём вы думаете? – спросила его Ирочка.

– О вас, – ответил Руднев. – Мне вдруг показалось, что мне хочется, чтобы вы умерли. А затем я подумал, просить ли за это прощения? И тут же понял: нет, действительно хочется... Я бы ходил на вашу могилу, и душа бы рвалась, рвалась от полноты жизни; от того, что вас нет и никогда уже не будет...

Руднев продолжал тихонько говорить. Вагон продолжал тихонько покачиваться. Быстро темнело. И время в темноте уже не тянулось сплошной лентой, а было нарезано узенькими полосками. И был мир, где Ирочка спала с нарисованным Валерьяном в Нью-Йорке; и мир, где она ехала в поезде с фарфоровым Рудневым; и мир, где она разговаривала

по телефону с Леночкой... и мир, где она пошла направо, и мир, где она пошла налево, и даже мир, где она взмахнула руками и... полетела.

Но Ирочка выбирала мир, в котором у неё была дочка Лизочка. Ирочка в порыве чувств подхватывала Лизочку на руки и крепко прижимала к себе.

– Я тебя люблю, доченька! Лучше тебя нет никого во всём свете!

– Да, – обнимала её и Лизочка. – Только ты, мамочка.

Ирочка плыла по бескрайнему морю, наполненному бескрайним счастьем.

Рядом храпел фарфоровый Руднев.

– Руднев, – раздражалась Ирочка, – вы хоть понимаете, что у вас фарфоровое лицо? Когда-нибудь оно упадёт и разобьётся.

Лицо Руднева тотчас падало и разбивалось.

За окном текла речка. На берегу стояла церквушка. Это был Смоленск, а может, Саратов.

Сыпал редкий снежок.

– Где вы живёте? – спрашивала Ирочка у Руднева.

– В Зурбагане. А вы?

– А я вообще не живу, – говорила Ирочка. – Я утонула в бассейне. Народу было много, но никто не заметил, как я утонула.

Руднев узнал об этом только через год. Ему позвонила Леночка.

– Как?! Как утонула?! – кричал в трубку потрясённый Руднев.

– Подождите, – меланхолично отвечала Леночка. – Я зажгу сигарету. – Она зажигала сигарету и, красиво выпустив струйку дыма, продолжала: – Ещё год назад. В бассейне. Никто и не заметил.

Событие было исключительное, и из Нью-Йорка прилетел нарисованный муж Валерьян. Всю дорогу, пока он летел, Валерьян смотрел на страницу журнала. На странице был нарисован человек в виде надкушенного яблока. «Что же мне делать?» – думал Валерьян.

«А в самом деле, что он будет делать?» – спросила себя Ирочка, сидя на открытой террасе небольшого ресторанчика. День был солнечный. Невдалеке плескалось море. Звучала томная латиноамериканская песенка с несколько длинным названием: «Я разлюблю тебя только тогда, когда остановится моё сердце».

К столику подбежала рыжая такса.

– Ой! – взвизгнула Ирочка. – Она мне ноги облизывает.

– Дина, перестань! – послышался резкий окрик хозяйки. И Ирочке: – Дина у меня лесбияночка.

– Пожалуй, я тоже заведу себе таксу-лесбиянку, – тут же решила Ирочка.

– Хотите, я буду вашей таксой? – предложил Руднев.

Потом они сидели в маленьком кинотеатрике и смотрели фильм про то, как мужчина и женщина сидели в маленьком кинотеатрике и смотрели фильм про то, как мужчина и женщина сидели в маленьком кинотеатрике и... И когда они вышли из маленького кинотеатрика, на небе уже сияли большие звёзды. А горы, окружающие Сочи или Судак, были похожи на спящих чудовищ.

– Почему вы не женитесь? – спрашивала Ирочка.

Руднев загадочно улыбался.

– Женщина для меня – это пропасть, в которую я могу смотреть до бесконечности, но никогда не прыгну... Впрочем, – добавлял он, – я был два раза женат.

– Врёте, – лукаво щурилась Ирочка. – Никогда вы не были женаты.

– Я не вру, – серьёзно отвечал Руднев. – Просто иногда я вспоминаю то, чего не было...

К женщинам я отношусь с благоговением, – продолжал он. – Вернее, не к самим женщинам, а к той тайне, которая в них заключена.

– А вам никогда не хотелось стать женщиной? – интересовалась Ирочка.

– А я женщина, – смеялся Руднев. – Меня тестировали, и я оказался стопроцентной женщиной. Хотите, я надену вашу клетчатую юбку?

Теперь смеялась Ирочка.

– Я сразу представила себе такого шотландца с волынкой. – Она поиграла на воображаемой волынке.

Тем временем ночь прошла и наступило утро.

– Как?! – ахнула Ирочка. – Уже утро?!

Руднев, ни слова не говоря, снял с её запястья маленькие часики и перевёл стрелки на несколько часов назад. То же самое он проделал и со своими часами.

– Сейчас снова наступит ночь, – заверил Ирочку Руднев.

И действительно – снова наступила ночь.

Ирочка лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к едва слышным голосам – это всё, что осталось в номере от тех людей, которые когда-то здесь жили. Скоро и их с Рудневым голоса вольются в этот общий хор, думала Ирочка, и будут плавать под потолком, словно сигаретный дым, постепенно тая... тая... тая... Незаметно для себя Ирочка уснула. Ей приснились тишина и одиночество. «Особенно хорошо, – продолжала думать Ирочка уже во сне, – что снятся и тишина, и одиночество. Одновременно». Затем она долго блуждала по запутанному лабиринту своих мыслей, пока наконец не вышла к морю. Оказывается, это был не Судак и не Сочи. Это была Феодосия. Напротив домика-музея Грина располагалась невзрачная забегаловка. И, конечно, называлась «Ассоль».

Ирочкина жизнь стала походить на бесконечный праздник. Но с каждым днём Ирочка чувствовала себя всё более опустошённой. Однажды она попыталась увидеть в зеркале свою душу. У неё ничего не получилось. «Надо уезжать», – подумала Ирочка. Ей стало легко и хорошо от этой мысли. Что-то заканчивалось, и это означало, что что-то начинается.

– Мне стали сниться вещие сны, – доверительно сообщила Ирочка Рудневу. – А после, уже наяву, происходит то, что я видела во сне. Сегодня мне приснилось, что мы с вами расстались. Так что я уезжаю.

– Вы не можете вот так взять и уехать, – нахмурился Руднев.

– Могу, – ответила Ирочка и направилась к выходу.

– И вы уверены, что поступаете правильно? – сказал ей вслед Руднев.

Ирочка не ответила. Она открыла дверь и навсегда исчезла для Руднева в этом огромном мире.

На улице было раннее утро. Светило солнце. Пели птицы. С моря дул тёплый ветерок. Ирочка села в свою вишнёвую машинку и поехала. Ехать было одно удовольствие. Положив в рот шоколадную конфетку, Ирочка включила музыку. «Мир прекрасен, пока ты в нём существуешь», – пела певица.

У церквушки с жёлтыми куполами Ирочка остановилась. Молодой священник приветливо улыбнулся Ирочке.

– Здравствуйте, – сказала ему Ирочка серьёзно. – Я – богоискательница, Бога ищу. Вы случайно не знаете, где его найти?

– Случайно знаю, – ответил священник всё с той же приветливой улыбкой.

– И где же?... – тоже улыбнулась Ирочка.

– Да вот он, – священник указал на маленькую птичку, сидящую на ветке.

– Ты Бог? – спросила Ирочка у птички.

– Фьюти-фьюти-фью... – ответила ей птичка, вспорхнула и улетела.

Зима будет холодной

Однажды осенним дождливым днём Пищалкин зашёл к одному старику, недавно умершему.

– Холодно на улице? – спросил старик вместо приветствия.

– Да нет, – ответил Пищалкин. – Но этот дурацкий ветер...

Пищалкина всегда раздражал ветер.

Старик рассеянно перебирал снимки, разбросанные по столу. До своего ухода он работал фотографом. Пищалкин тоже взглянул. На одном из снимков – пустынный дворик. На другом – тот же самый дворик, и тоже пустынный.

– Меня интересует пустынность, – сказал старик.

Пищалкин ничего не ответил. Он подумал, что, пожалуй, не стоило сегодня приходить к старику. Именно на минуты этого визита пришёлся упадок духа. Невесть откуда явилась апатия...

Старику, как видно, тоже не хотелось разговаривать. Но о чём-то же надо было говорить, раз уж они сидели друг против друга.

– А вы сегодня ходили... – начал Пищалкин.

– Нет, – тут же ответил старик.

– Я же ещё не сказал – куда.

– Я сегодня никуда не ходил, – ответил старик.

На столе лежал журнал. Пищалкин открыл его, где открылось, и углубился в чтение:

*Как память о прошедшем лете,
Труп голой бабы на паркетe.*

В этом коротком стихотворении – читал далее Пищалкин – мы видим потрясающее владение словом. Автор, написавший его, поистине гений. Он не задумываясь – как истинный гений – просто бросил слова. А каков результат!.. Ведь «труп» – то есть «мёртвое тело» – есть понятие, отражающее необратимое состояние. Труп не может снова стать живым. А «голая» – эпитет, выражающий именно состояние обратимое. Голую можно одеть. Далее, труп можно раздеть – он будет голым. Можно голого одеть – он станет одетым. По большому счёту, даже не ясно, стала ли баба трупом голой или же её раздели уже потом. С формальной точки зрения, в паре слов «труп бабы», определяющим является слово «труп». Но если смотреть не формально, а по смысловому контексту, то тут определяющим словом становится «баба». И «труп голой бабы» можно перевести (именно перевести, к примеру, на иностранный язык) как «мёртвая голая баба». Поскольку эпитет «мёртвый» включает в себе полную необратимость, то он прочно сливается с определяющим словом и составляет с ним как бы единое целое. А все дальнейшие определения – как обратимые эпитеты – как бы должны пристраиваться снаружи. То есть должно быть так: «голая мёртвая баба». Или: «голый женский труп», где опять-таки эпитет «женский» выражает даже не просто необратимое свойство, а – априорный атрибут. Поэтому при использовании оригинального слова «труп» логически должна быть такая последовательность слов: «голый труп бабы». Но в стихотворении автор поменял местами два слова, и эта иррациональность является средством усиления образности раз в сто как минимум.

– Хотите я вас сфотографирую? – неожиданно предложил старик-фотограф.

– Зачем? – спросил Пищалкин, отложив журнал.

– В вашем лице есть что-то неприятное. Меня привлекают такие лица.

– Да, есть, – подтвердил Пищалкин. – Помню, в детстве, один дядечка сказал мне: «Иди, парень, отсюда, мне твоё лицо неприятно».

– А вы что?

– Ничего. Ушёл.

– Дело даже не в том, что вы физически неприятны, – сказал старик. – В вас чувствуется духовная испорченность.

«Это не имеет никакого значения», – хотел было ответить Пищалкин. Но почему-то сказал:

– Это не играет никакой разницы.

Пищалкин снова начал листать журнал. На глаза попала заметка, в которой говорилось, что Гоголь боялся быть похороненным заживо. Поэтому он пожелал в завещании, чтобы его тело предали земле только тогда, когда появятся явные признаки разложения. Что и было сделано. А в 1931-м году любопытствующие атеисты выкопали гроб Гоголя и вскрыли, чтобы поглядеть, что же осталось от великого русского писателя. А другой русский – советский – писатель Лидин, который присутствовал при этом, маленькими ножницами отрезал от сюртука Гоголя большой кусок. Впоследствии он сделал из этого куска переплёт для своего экземпляра «Мёртвых душ».

– Вы читали такого писателя – Лидина? – спросил Пищалкин, вновь откладывая журнал.

Старик покачал головой.

– Нет, не читал.

– Вас что, книги не интересуют?

– Нет.

– А почему?

– Не знаю, – равнодушно произнёс старик.

Пищалкин обратил внимание, что занавеска на окне задёрнута не до конца. Он подошёл и задёрнул. Его всегда раздражали подобные вещи: незадёрнутые занавески, незакрытые двери, незадвинутые ящики...

– Пойду, пожалуй, – сказал Пищалкин.

И пошёл.

– Рябины в этом году много, – сказал ему вслед старик. – Зима будет холодной.

Замок Чудес на берегу волшебного озера

Жили-были две сестрички – До и Ре. И вот как-то раз мама с папой сделали им на день рождения (а родились сёстры в одни и тот же день, в один и тот же час и даже в одну и ту же минуту) шикарный подарок – путёвку в детский Замок Чудес, который стоял на берегу Волшебного озера.

Этот замок был набит чудесами, как книги набиты буквами. Чего там только не было! Например, там был волшебный зал, в котором не действовала сила тяжести. И как только вы входили в этот зал, ваши ноги вам были уже не нужны. Вы начинали летать-летать-летать по залу, как летают птицы... А какие в Замке Чудес были яства, оооооооооо, какие там были яства! Тоже, естественно, волшебные. По сравнению с ними все другие самые-пресамые изысканнейшие кушанья казались просто-таки опилками, политыми бензином.

А какой рядом с Замком Чудес раскинулся парк, уууууууууу, какой это был парк! В нём росли волшебные деревья, по сравнению с которыми все другие самые-пресамые красивые-деревья казались чахлыми кустиками. А на волшебных ветвях этих волшебных деревьев сидели волшебные птицы. Они были ослепительно красивы. По сравнению с ними даже самые-пресамые прекраснейшие птицы выглядели просто-таки мокрыми курицами. А как они пели, ах-ах-ах, как они пели: фьюти-фьюти-фью... Просто волшебно. Не хотелось бы снова пускаться в сравнения, но придётся: по сравнению с этим волшебным пением песни всяких там соловьёв-дроздов звучали просто-таки как какое-то кваканье-гавканье.

А суперволшебным местом было Волшебное озеро. Об этом озере говорили, что тот, кто хотя бы раз искупался в нём, не забудет это купание ни-ког-да. Потому что ощущение от купания было тааааакое... ТАААААКОЕ... в общем, не передать – какое.

Не удивительно поэтому, что и До, и Ре, и все остальные дети с нетерпением ждали той заветной минуты, когда директриса Регина Борисовна – рыжая дама в чёрном платье – позволит им искупаться в этом волшебном озере.

И вот – наконец-то! – эта заветная минута настала. Появилась Регина Борисовна – как всегда рыжая и как всегда в чёрном – и захлопала в ладоши:

— Дети, дети, купаться, купаться...

– Ура-а-а!.. – закричали от радости До, Ре и все остальные детишки и, обгоняя друг дружку, бросились к Волшебному озеру

А вода в Волшебном озере была как роса – ну, то есть чистая-пречистая; и такая спокойная, что было даже не понять, есть ли вообще в озере вода. Но тут в воду с радостным визгом вбежали дети, поднимая миллионы бриллиантовых брызг. И всё смешалось – и визги, и брызги.

И До, и Ре, и вся остальная детвора и плавали, и ныряли, и плескались, и кувыркались в волшебных водах Волшебного озера. А весь последующий день после купания только и было разговоров, что о Волшебном озере. И даже вечером детишки-ребятишки не могли успокоиться и говорили, говорили, говорили о том, как они купались в Волшебном озере.

И только одна До ничего не говорила. Потому что после купания в Волшебном озере куда-то пропала Ре. Но никто этого не заметил. Да и сама До не сразу обнаружила исчезновение сестры. И лишь за обедом, когда рядом с До села совсем другая девочка, До вдруг осознала, что не видела Ре после купания.

– Это место Ре, – сказала До девочке.

– Нет, это моё место, – ответила девочка. – Я всегда тут сижу.

– Нет, ты никогда тут не сидела. Здесь сидит моя сестра.

— Нет, я сижу.

— Нет, не ты!

– Нет, я!

Они заспорили, и, к изумлению До, все остальные дети встали на сторону этой девочки.

– Да, – сказали они, – она всегда тут сидит.

«Может, меня просто решили разыграть? – подумала До. – И Ре тоже участвует в этом розыгрыше?» Но «розыгрыш» явно затягивался, потому что вечером в комнату, где жили До и Ре, пришла не Ре, а совсем другая девочка и стала готовиться ко сну.

– Что ты тут делаешь?! – уже с раздражением спросила До. – Это кровать Ре!

– Какой ещё Ре?! – тоже с раздражением ответила девочка. – Ты уже всех достала своей дурацкой Ре! Нет тут никаких Ре и не было никогда!..

До не могла уснуть всю ночь, она – думала... думала... думала... А когда пришло утро, а Ре так и не появилась, До пришлось сделать то, что ей ну о-очень не хотелось делать: пойти к рыжей даме в чёрном, Регине Борисовне.

Директриса Регина Борисовна сидела в своём большом кабинете за своим большим столом.

Тук-тук-тук, – услышала она робкий стук в дверь.

– Войдите, – разрешила директриса.

До робко отворила дверь и столь же робко вошла.

– Здравствуйте, Регина Борисовна, – тихо сказала она.

– Здравствуй, милочка. Как тебя зовут?

– Меня зовут До, – ещё тише произнесла До.

– Я тебя слушаю, До.

И До, волнуясь и запинаясь, поведала директрисе о том, как после купания в Волшебном озере куда-то исчезла её сестра.

– А как зовут твою сестру? – спросила директриса.

– Её зовут Ре.

Директриса открыла в своём ноутбуке страничку учёта всех детей в Замке Чудес, посмотрела... посмотрела... И говорит:

– Девочки с таким именем у нас нет.

– Как это нет? – обомлела До. – Это же моя сестра.

Директриса ещё раз сверилась с ноутбуком, открыв на сей раз личную страничку До.

– Нет, милочка, у тебя никакой сестры.

До просто-таки дар речи потеряла от такого директрисино ответа. А когда снова обрела этот дар, возмущению её не было предела.

– Да что вы такое говорите, Регина Борисовна! Да возьмите и позвоните моей маме или моему папе! И они вам сразу скажут про Ре!

Но директриса звонить никуда не стала. Она так и ответила:

– Никуда я, милочка, звонить не буду.

– Почему это?!

– Потому что у тебя нет ни мамы, ни папы.

– Как это нет?! – на сей раз уже не обомлела, а прямо-таки обалдела До.

– Очень просто. Ты круглая сирота.

– Вы врёте, врёте! – в гневе закричала До. – Я убегу от вас, я найду своих родителей и Ре!

– Да ради бога, – сказала директриса. – Беги на все четыре стороны, а то и на все пять. Да только никуда тебе отсюда не убежать.

– Это почему же?! – с вызовом воскликнула До.

– А потому, милочка, – объяснила директриса, – что все люди живут в ограниченном времени и ограниченном пространстве. И твоё время и пространство тоже ограничены...

Но До, не дослушав столь непонятную директрисину речь, выскочила из кабинета, потом выскочила их Замка Чудес и помчалась через волшебный парк, мимо Волшебного озера... прочь! прочь! прочь! из этих проклятых волшебных мест, где неизвестно куда исчезают твои сёстры и где тебе говорят, что у тебя нет ни мамы, ни папы.

Она бежала, бежала, бежала, бежала...

бежала...

бежала...

бежала...

бежала...

бежала...

И вдруг остановилась. Буквально замерла на месте, как вкопанная. Потому что директриса сказала чистую правду. Пространство До закончилось. Впереди у неё ничего уже не было. Абсолютно. Пустоты и той не было. Бежать дальше было некуда. Даже если бы, предположим, у До выросли крылья, она бы и полететь не смогла, потому что и лететь дальше было некуда. А если бы, опять же предположим, у До выросли плавники, то и поплыть она бы не смогла, потому что и плыть дальше было некуда... И До, глотая слёзы, побрела обратно в Замок Чудес.

И только потом – со временем – До поняла, что ей тогда хотела сказать директриса Регина Борисовна. А сказать она хотела вот что: пока ты маленькая – времени у тебя много; но чем больше ты становишься, тем меньше у тебя остаётся времени.

Вот и До становилась всё больше и больше. Вскоре она уже была не До, а – Дора; а ещё вскоре – не Дора, а – Дора Борисовна. За это же самое время директриса Регина Борисовна куда-то исчезла, как исчезли в своё время Ре и родители До.

И теперь уже До... ой!.. то есть Дора Борисовна была директрисой Замка Чудес. Она сидела в своём большом кабинете за своим большим столом.

– Тук-тук-тук, – раздался робкий стук в дверь.

– Войдите, – разрешила директриса.

И в большой кабинет вошла маленькая девочка.

– Здравствуйте, Дора Борисовна, – робко сказал она.

– Здравствуй, дорогуша. Как тебя зовут?

– Меня зовут Ре, – ответила девочка.

– Я тебя слушаю, Ре.

И Ре, волнуясь и запинаясь, поведала директрисе о том, как после купания в Волшебном озере куда-то исчезла её сестра.

– А как зовут твою сестру? – спросила директриса.

– Её зовут До.

Директриса открыла в своём ноутбуке страничку учёта всех детей в Замке Чудес, посмотрела... посмотрела... И говорит:

– Девочки с таким именем у нас нет.

– Как это нет? – обомлела Ре. – Это же моя сестра.

Директриса ещё раз сверилась с ноутбуком, открыв на сей раз личную страничку Ре.

– Нет, дорогуша, у тебя никакой сестры.

Ре просто-таки дар речи потеряла от такого директрисино ответа. А когда она снова обрела этот дар, возмущению её не было предела.

– Да что вы такое говорите, Дора Борисовна! Да возьмите и позвоните моей маме или моему папе! И они вам сразу скажут про До!

Но директриса звонить никуда не стала. Она так и ответила:

– Никуда я, дорогуша, звонить не буду.

– Почему это?!

– Потому что у тебя нет ни мамы, ни папы.
– Как это нет?! – на сей раз уже не обомлела, а прямо-таки обалдела Ре.
– Очень просто. Ты круглая сирота.
– Вы врётё, врётё! – в гневе закричала Ре. – Я убегу от вас, я найду своих родителей и До!

И маленькая Ре опрометью выскочила из большого дораборисинового кабинета.

– Никуда ты не убежишь, – с грустью сказала директриса ей вслед и погрузилась в свои грёзы. Потому что у всех людей – чтоб вы знали, мои маленькие читатели и читательницы – помимо своего ограниченного времени и своего ограниченного пространства, есть ещё и свои неограниченные грёзы. Вот Дора Борисовна и погрузилась в них с головой.

И в этих грёзах она видела себя маленькой девочкой До; и в этих грёзах у неё была маленькая сестричка Ре; и мама с папой, конечно же, тоже были в этих грёзах... и подружки... и цветочки... и бантики... и куколки... и ещё много-много чего, в том числе и много-много времени.

А потом времени становилось всё меньше, меньше, меньше... А когда Дора Борисовна вынырнула из своих грёз и посмотрела на свои часы, она увидела, что времени у неё не осталось вовсе.

Как кабанчик Геночка обидел зайчика Димочку

Егор Егорыч Егоров потерял под Курском правую ногу. Вместо ноги ему дали «старлея». «Дайте ещё и Героя», – попросил Егор Егорыч. «Не положено, – ответили ему. – Вы ведь только правую ногу под Курском потеряли».

«Эх, надо было ещё и левую ногу под Курском потерять», – не раз впоследствии сокрушался Егор Егорыч.

Вот так старший лейтенант Егоров на одной ноге и прошагал пол Европы и взял Берлин по приказу верховного главнокомандования. А в данный момент он шагал в магазинчик, чтобы по приказу жены Нюры взять хлебушка, маслица и кефирчик. А навстречу Егор Егорычу шли две старушки-ветеранши с бутылками шампанского.

– Почём шампанское брали? – спросил у них Егор Егорыч.

– Нипочём, – ответили ему старушки-ветеранши. – Нам бесплатно положено к Новому году, как ветераншам.

– Так ведь и мне положено, – заволновался Егор Егорыч. – Я ведь во время войны ногу под Курском потерял.

– Подумаешь – ногу он потерял, не велика потеря. Мы во время войны кой-чего поважнее потеряли, – захихикали старушки и пошли себе дальше с дармовым шампанским.

А Егор Егорыч с «изменившимся лицом» – как писали в старинных романах – на дрожащей и подкашивающейся левой ноге вернулся домой; и тут же слёг от того, что положенное ему к Новому году шампанское оказалось почему-то ему не положено.

Новый год между тем приближался к началу, а Старый год соответственно приближался к концу; а Егор Егорыч как слёг тогда с «изменившимся лицом», так с тех пор с этим самым лицом и лежал; бормоча то во сне, то наяву: «Я ногу под Курском потерял. Мне тоже шампанское полагается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.